

Аппетита у него действительно не было. С самого вчерашнего дня тело будто онемело: он не чувствовал ни усталости, ни сонливости, да и ничего не болело — видимо, сказывалось крепкое здоровье. Тем не менее, он не хотел, чтобы Янь Хан в таком состоянии переживал еще и о том, поел он или нет, поэтому решил выйти и купить какой-нибудь булочки или пирожное.

Возле входа была пекарня, именно там, скорее всего, Цуй И купил те профитроли, что приносил ему вчера — они оказались довольно вкусными. Он вошел внутрь, походил, присмотрелся. Хотел было взять что-нибудь побольше, но обнаружил, что даже такие крошечные пирожные, как вчера, стоят двенадцать юаней. Если бы не спешка и желание поскорее вернуться в палату, он бы ни за что не отдал двенадцать юаней за один маленький профитроль.

Всю дорогу до палаты он берег это пирожное и не решался съесть, но перед самой дверью вдруг отчетливо осознал: Янь Хан сейчас голоден, и заявиться к нему с лакомством в руках было бы жестоко. Он постоял в коридоре, быстро доел профитроль, вытер рот и только тогда вошел внутрь.

Янь Хан лежал с закрытыми глазами, повернув голову в сторону — похоже, спал. Чу И осторожно подошел, внимательно посмотрел на него, взял стул и, стараясь не шуметь, придвинул к кровати и сел.

В коридоре сейчас было оживленно: привезли больничные тележки с едой, люди ходили туда-сюда. Но в самой палате царила тишина — Чу И слышал даже ровное дыхание Янь Хана. Он приник к краю кровати, положил голову на руки и стал смотреть на руку Янь Хана, лежащую на простыне. Левая рука была цела, но в нее была вставлена игла, и на это было больно смотреть.

Он просидел так недолго, почувствовал, что начинает клевать носом, и зевнул. Пришлось выпрямиться: в капельнице еще оставалось лекарство, он боялся уснуть и пропустить момент, когда оно закончится. Посидев немного, он почувствовал, как заныла спина — наверное, два дня без отдыха давали о себе знать, и его силы наконец начали иссякать. Он снова склонился к кровати.

И опять уставился на руку Янь Хана.

Тот, похоже, спал очень крепко, но пальцы время от времени чуть подрагивали. Чу И не знал, оттого ли это, что лежать с иглами в вене неприятно, но каждый раз, стоило пальцам дернуться, он тянулся и легонько касался их кончиком своего пальца — словно успокаивая.

Какие же красивые у Янь Хана руки.

Когда пальцы снова чуть заметно шевельнулись, Чу И подался вперед и едва ощутимо коснулся их кончиков губами.

Действие наркоза полностью прошло, и раны начали пульсировать от боли. Янь Хан был очень терпелив, для него такая боль не казалась критичной, но вот ее длительность изматывала. Он пытался заснуть, выравнивал дыхание, замедлял его, старался следовать определенному ритму, но его сознание лишь на мгновение затуманивалось, по-настоящему погрузиться в сон не удавалось.

Игла в левой кисти — для человека, которому почти никогда не ставили капельницы, это было

довольно мучительно. От кисти до локтя всё ныло и саднило, конечность зябла и порой непроизвольно мелко подергивалась. Сначала ему даже казалось, что это забавно: Чу И сидел у кровати, и всякий раз, когда рука дергалась, он осторожно касался его пальцев. Движение — касание, снова движение — снова касание. У него возникло ощущение, будто он на рыбалке.

Подергаешь наживку, глупая рыбешка ткнется носом и уплывет.

Лишь когда «рыба» клюнула, он понял, что что-то не так, но пошевелиться не рискнул. И только когда Чу И на цыпочках вышел из палаты и плотно закрыл за собой дверь, Янь Хан облегченно выдохнул и повернул голову обратно — шея уже успела затечь.

В последний раз, когда что-то коснулось его пальцев, это было не пальцы Чу И, а... его губы.

Пусть это было едва заметное касание, но разница в ощущениях была очевидной. Янь Хан взглянул на дверь палаты и снова закрыл глаза.

Раньше папа всегда твердил, что в драке надо быть осторожным и не получать серьезных травм, иначе после общего наркоза интеллект наполовину усохнет. Каждый раз, слушая это, он усмехался, но теперь, испытав всё на себе, подумал, что его вечно несущий чепуху папа, возможно, в этот раз был прав. Наркоз отошел, а в голове будто смешалось какое-то месиво — даже простейшие мысли давались с трудом.

Интеллект упал наполовину? Да ерунда. Раньше айкью был триста, теперь останется сто пятьдесят — все равно гений. Янь Хан усмехнулся.

Многие детали вчерашнего дня уже стерлись из памяти, да и не хотелось ему вспоминать. В конце концов, впервые в жизни он оказался в больнице после нападения человека, который был слабее него. Единственное, что он помнил отчетливо: в момент удара он успел среагировать. Он почувствовал, что у нападавшего поднята правая рука, и по счастливой случайности телефон был у него в левой, поэтому он успел перехватить рукой клинок, который не успел еще войти в тело глубоко, как только ощутил резкую боль в пояснице.

А потом — провал. Если бы не рана, он бы даже не заметил нападения: почти любое движение требует участия мышц пресса. Он не стал идти напролом, а выбрал тактику самосохранения.

Но вот что он никак не мог понять: почему после первого удара нападавший не предпринял ничего более опасного? То ли он был неопытен, то ли не собирался наносить смертельную рану.

Почему не ударил сильнее? Почему неопытный человек вообще решил рискнуть и полезть в драку? Если бы не тот звонок, этот парень вообще не смог бы его ранить.

Тот самый звонок.

За последние два дня это было самое яркое воспоминание. Точнее, слова Чу И: «Я люблю тебя».

Хотя он и раньше допускал такие мысли, но Чу И в его глазах всегда оставался простодушным ребенком. Даже сейчас, когда он вымахал почти под метр восемьдесят, даже когда в школе за ним закрепилась кличка «Брат Гоу», он все еще был глупышом. Янь Хан никак не ожидал, что Чу И так внезапно и прямо произнесет подобное.

И до сих пор не знал, как на это ответить.

Будь на месте Чу И кто угодно другой, он бы отмахнулся дежурным «спасибо». Но только не Чу И.

Чу И отличался от всех остальных: ранимый, неуверенный в себе, всегда осторожный. Обычное «спасибо», как для любого другого, для Чу И могло стать ударом.

Я люблю тебя.

Янь Хан переложил левую руку на живот, терпеть ноющую боль становилось невыносимо. Чу И любил его — это было очевидно. Он всегда знал, что Чу И к нему равнодушен, точно так же, как и он сам был привязан к нему: Чу И казался ему забавным, милым, а когда тот попадал в беду, у него самого сжималось сердце.

Но Чу И был тем еще остопом, и это тоже было очевидно.

Он совершенно не мог быть уверен, что Чу И понимает разницу между разными видами любви. Чу И, по сути, почти не имел нормального опыта эмоционального взаимодействия ни с кем: ни с семьей, ни с друзьями... И вот в такой момент Чжоу Чунъян заявляет, что он гомосексуал и любит мужчин. А через пару дней Чу И приходит и говорит: «Я люблю тебя».

Это что, результат психологического внушения или он действительно осознал свои чувства? Похоже, надо будет вытащить Чжоу Чунъяна и как следует проучить...

Я люблю тебя.

Янь Хан повернул голову. От долгого лежания тело болело, словно после бессонной ночи — в каком положении ни ляг, всё равно ныло. А тут уже сутки без движения — можно с ума сойти. Вот и сейчас он не мог понять, какую именно «любовь» испытывает к Чу И.

Он никогда особо никем не увлекался: ну, подумает — «красивая девушка» или «парень симпатичный», но дальше этого мысли не заходили.

...Впрочем, пока он не разберется, что происходит с Чу И, его собственные чувства не так важны.

За дверью зазвонил телефон Чу И. Парень вышел, но стоял прямо под дверью — почти не отходил ни на шаг. Янь Хан снова заволновался за его состояние: хотя Чу И и был «Братом Гоу», который год занимался боксом, но все-таки он двое суток не спал, да еще и с температурой...

Дверь открылась, и Янь Хан закрыл глаза, продолжая притворяться спящим.

Он услышал, как Чу И осторожно подошел к кровати:

— Всё еще спит... Угу, понял...

Янь Хан приоткрыл один глаз и издал невнятный звук.

— Я тебя раз... разбудил? — тихо спросил Чу И, закончив разговор.

— Нет, — ответил Янь Хан, — просто проснулся.

— О, — Чу И улыбнулся. — Дядя Цуй сказал, что помог отпросить тебя с... с занятий, и велел мне купить тебе телефон.

— А деньги у тебя есть? — Янь Хан зевнул.

— Если я буду платить, — сказал Чу И, — то можно. Ты сможешь пользоваться... кнопочным телефоном для пожилых?

— Вали отсюда, — бросил Янь Хан.

— Дядя Цуй сказал, что у тебя на карте есть деньги. — Чу И выдвинул ящик тумбочки и достал его кошелек.

<http://bllate.org/book/18095/1747730>